

Содержание

Введение. Могущество и слава 7

«ИМПЕРИИ-МИРЫ» И «ИМПЕРИИ-УНИВЕРСУМЫ»

- 1 Империя Каролингов: возрождение Рима? 25
Мари-Селин Исайя
- 2 «Византийская» империя..... 52
Николя Дрокур
- 3 Империя Аббасидов..... 83
Мари-Терез Урвуа
- 4 Монгольская империя: государство кочевников 111
Симон Бержер
- 5 Османская империя (ок. 1300–1481).....142
Жак Павио
- 6 Китай в конце VIII — начале XV в.: территориальная
консолидация и выход в открытое море 173
Паола Каланка

ЗАКРЫТЫЕ И ОГРАНИЧЕННЫЕ ИМПЕРИИ

- 7 Болгарская империя: историографический
вымысел или историческая реальность?.....203
Вера Атанасова

- 8 Взлет и падение Сербской империи 233
Андрей Файгель
- 9 Император и модель имперской власти в древней
и средневековой Японии 265
Лоик Казо
- 10 Солнечные империи Америки 293
Кармен Бернан
- 11 Латинская империя Константинополя
(1204–1261): тень Византии 322
Флоранс Сансони

РАСКОЛОТЫЕ ИМПЕРИИ НА РАССЕЯННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

- 12 Недостроенная империя: Германская империя
от Оттона Великого до Максимилиана 355
Сильвен Гугенхейм
- 13 Нормандская империя, империя нормандцев 390
Пьер Бодуан
- 14 Империя Плантагенетов (середина XII —
начало XIII в.) 418
Майте Биллоре
- 15 Траектории империи в Адриатике: Венеция в Средние
века (IX–XV вв.) 445
Бернар Думерк
- 16 Шривиджая: малайская талассократия 473
Пьер-Ив Манген
- Информация об авторах 503

ВВЕДЕНИЕ

МОГУЩЕСТВО И СЛАВА

Под солнцем смерти рождаются империи и церкви¹.

АЛЬБЕР КАМЮ

*Королевский титул износился со временем...
Императорский же величественен, но одновременно
туманен — он возбуждает воображение².*

НАПОЛЕОН В ПИСЬМЕ ГОСПОЖЕ РЕМЮЗА

«ИМПЕРИИ» В «СРЕДНИЕ ВЕКА»

Цель настоящего сборника — охватить целостным взглядом априори схожие между собой политические образования в рамках протяженного хронологического отрезка в планетарном масштабе. Эта работа могла бы служить введением к глобальной истории, однако не всеобщей — мы будем говорить только о средневековых империях. Для начала нам надо разобраться в терминах «империя» и «Средние века» и удостовериться, что их сочетание имеет смысл в рамках истории всего мира.

---

¹ Albert Camus, *La Chute*, Paris, Gallimard, 1956; rééd., coll. «Folio», 2014, p. 133.
Камю А. Избранное / Пер. Н. Немчиновой. — М.: Радуга, 1988. С. 277–334.

² Mme de Rémusat, *Mémoires*, t. I, Paris, Calmann-Lévy, 1880, pp. 391–392.

Идея о «среднем» времени, промежуточном этапе, появилась у итальянских гуманистов в конце XIV — начале XV в. Это понятие означало длительный хронологический отрезок, который, с их точки зрения, отделял блистательную Античность от современной им эпохи, ознаменованной культурным возрождением¹. С тех пор в европейской историографической традиции период V–XV вв. н. э.² принято называть Средневековьем: *Moyen Âge*, *Middle Ages*, *das Mittelalter*, *il Medioevo*, *Średniowiecze*, *Idade média* и т. д.

Отсюда вытекает очевидный вопрос: применим ли этот временной отрезок за пределами европейских реалий? Достаточно выбрать летоисчисление, отличное от христианского, ставшего международной нормой, чтобы увидеть расхождение: «Средние века» в полной мере не совпадают. Однако смена точки отсчета не меняет природы и сущности изучаемого феномена, хотя некоторые историки верят, что тем самым совершают «коперниковскую революцию» в науке.

Конечно, выбранный промежуток не всегда подходит для анализа иных континентов и *цивилизаций*, которым свойственна собственная хронология и периодизация. Никола Дрокур подчеркивает, что даже близкая к нам Византия «заставляет нас пересмотреть весьма условную границу между Античностью и Средними веками». В истории Японии эпоха, длившаяся с конца VI по конец XII в. называется «Древностью» (*Кодай*). Если смотреть на всю историю человечества

---

¹ Разделение на «древность» или «Античность», «среднее время» или «Средневековье» и «Новое время» впервые встречается во французском трактате «Спор оружейных герольдов Англии и Франции» (1453–1461).

² Историки спорят о границах этого хронологического отрезка, что может отражаться на интерпретациях некоторых феноменов, однако не ставит под сомнение убедительность принятого деления.

в целом, то деление на четыре части, выработанное европейской историографией, вызывает сомнения. Можно ли выработать универсальную хронологию для всего человечества или цивилизации двигались слишком разными путями, которые нельзя соотносить между собой?¹ Не является ли само желание выработать всеобщую периодизацию особенностью западного мировоззрения?

Настоящий сборник объединен имперской тематикой, а средневековый период, несмотря на то что связан с определенным (европейским) регионом, для каждого политического образования служит общими хронологическими рамками и точками отсчета². Всеобщая сравнительная история мировых империй, скорее всего, помогла бы выявить другое «Средневековье», по крайней мере для исследуемого предмета. Здесь мы не ставим столь масштабную задачу³.

Период V–XV вв. правомерно рассматривать, если в качестве критерия мы возьмем демографический рост и связь между различными пространствами, населенными людьми. Ойкумена Древнего мира была усеяна незаселенными и изолированными территориями, а огромные расстояния были препятствием для сообщения между отдаленными странами. Период, который принято называть «Новым временем»,

---

¹ Hervé Inglebert, *Le Monde. L'Histoire*, Paris, PUF, 2014, p. 1126. О «мировых хрониках», см. pp. 1181–1189.

² *Ibid.*, p. 61: «Проблема глобальной периодизации не решена. Системы периодизации, как правило, представляют собой автопериодизацию, завязанную на ту или иную культуру. Их можно применять по отношению к другим народам как систему точек отсчета, но не как адекватную хронологию».

³ Jane Burbank et Frederick Cooper (*Empires. De la Chine ancienne à nos jours*, Paris, Payot, 2011). Авторы предприняли подобную попытку, однако они не ставили вопрос о периодизации мировой истории и не подвергали сомнению традиционную четырехчастную периодизацию, которая грешит евроцентризмом.

напротив, среди прочего характеризуется европейской транс-океанской экспансией и установлением контактов между разными цивилизациями. Германская империя Штауфенов соседствовала с государством монголов в рамках Евразийского континента, порой они могли вступать друг с другом в контакт. Однако в этой империи не подозревали о существовании империи ацтеков, как и ацтеки — о существовании Штауфенов и Чингизидов. При Карле V все изменилось. Получается, что в Средние века самые разные мировые империи могли спокойно сосуществовать. Наше внимание привлекло их совпадение во времени, вне зависимости от системы летосчисления. Календарь отнюдь не синоним времени. Тем не менее, чтобы избежать излишних упрощений, которые обесмыслили бы изучение анализируемых в сборнике империй, хронологические рамки выбирались исходя из специфики каждого из рассматриваемых государств.

Но вот еще один подводный камень: ряд философских теорий предостерегает от использования западного набора терминов, иными словами, европейских категорий мышления для анализа других эпох и иных цивилизаций¹. Подобный релятивизм происходит от некоторого идеализма и ставит перед неразрешимой логической проблемой: мир не есть текст, а слова не тождественны вещам. Язык помогает осмыслить мир, однако не создает его. Если мы сочтем нашу терминологию и наши категории мышления не релевантными для иных культур, то изучение того, что находится за пределами нашего опыта или предшествует ему, станет возможным только ценой обращения к словарю изучаемых обществ. В этом случае мы должны были бы говорить об *imperium*, *Rîche*

---

¹ Keith Windshuttle, *The Killing of History. How Literary Critics and Social Theorists Are Murdering our Past*, Paddington (Australia), Macleay Press, 1996.

и *тэнно*, не пытаясь перевести эти термины иначе, чем подыскивая им более или менее элегантный перифраз. Доводя это утверждение до логического завершения, следует признать, что рассуждать о Каролингской империи может только тот, кто был ее подданным и говорил с Карлом Великим на одном диалекте. Перед нами отрицание самой возможности исторического исследования и, более того, научного мышления.

У нас нет выбора: узнав о ловушках нашей терминологии, осознав категории, связанные с нашей культурой, мы должны двигаться дальше, используя собственные слова и стараясь не прикладывать современные значения к реалиям прошлого произвольным образом, так как это может привести к ошибочной вере в постоянство изучаемых объектов, порождая опасность анахронизма. Остается только провозгласить способность разума, пусть даже в несовершенной степени, познать любой феномен, связанный с жизнедеятельностью человека.

СУВЕРЕННОСТЬ ИМПЕРИЙ

Теперь нужно определить, что мы будем понимать под «империями». Как у людей, живших в те эпохи, так и у современных историков часто не находится подходящих слов. Как назвать «безымянное территориальное объединение», что создали Плантагенеты, о котором пишет Майте Биллоре? Пьер Бодуан подчеркивает, что следует говорить об «империи нормандцев», а не о «нормандской империи», и дело вовсе не в тонкостях стиля. Со своей стороны, Мари-Селин Исайя указывает на то, что Каролинги создали многогранное понятие, сообразное своим амбициям, чтобы характеризовать созданную ими империю. Бернар Думерк добавляет, что «историки, говоря о “Венецианской империи”, придают этому словосочетанию самые разные оттенки».

Политические образования Античности (Египетская, Персидская, Македонская, Римская империи) служат самыми ранними моделями для ответа на поставленный вопрос. В то время как протяженность во времени и пространстве в каждом случае различна и может меняться в зависимости от обстоятельств, объективным критерием можно считать то, что империя, в отличие от царства или города, не может быть частью иного целого. Нет никого, кто мог бы стоять над императором; империя воплощает абсолютный суверенитет или, по крайней мере, претендует на него. В лучшем случае она может снисходительно относиться к существованию, а следовательно, к конкуренции с другими империями.

Такое определение применимо к любым географическим ареалам и хронологическим отрезкам. Оно позволяет свести воедино все многообразие политического опыта, однако, очевидно, не учитывает его вариативность.

На первый взгляд может показаться, что описанные в сборнике империи представляют собой сменяющийся исторический калейдоскоп. Но действительно ли разнообразие политических образования, называвшие себя или нареченные другими этим громким именем, были основаны на одних и тех же принципах? Или, наоборот, они различаются до такой степени, что их неоднородность ставит под вопрос само существование категории, в рамках которой мы хотели бы их рассмотреть? Это не праздный вопрос. В некоторых случаях (Болгария, Сербия, Шривиджая, нормандская экспансия) историки спорят об уместности термина «империя». Протяженность и отсутствие сообщения среди прочего объясняют многообразие имперского опыта. Однако эти различия не мешают нам увидеть аналогичные практики, общие проблемы и порой схожие решения. То, с чем имеет

дело история, по словам Поля Вена, «специфично»: каждый объект изучения уникален, даже если принадлежит к числу подобных, которые, в свою очередь, также могут стать предметом исследования. С другой стороны, всякий исторический объект по определению переменчив во времени. Его своеобразие подвижно, что вовсе не означает его отсутствия. История также изучает и эти изменения.

В конце концов, существование столь большого числа имперских систем можно объяснить простой причиной: если правители в конкретном пространстве стремились носить императорский титул, захватывали его, пытались заставить другие страны, которые также могли носить имперский характер, признавать его (как в случае болгарского царя Петра, получившего признание от византийского василевса в 927 г., описанном в статье Веры Атанасовой), мы должны всерьез рассматривать их притязания. Дальше следует провести критический анализ, чтобы определить, можем ли мы считать эти образования империями.

ПРОТЯЖЕННОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ И БЕЗМЕРНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА

Нет ничего, что стояло бы над империей. Она есть наивысшее выражение державности. Это впечатление усиливается, если имперская власть опирается на величественную столицу, которая в ряде случаев может нести в себе образ всего мира (Багдад, Теотиуакан). Тем не менее долговечность не является определяющей характеристикой империи. Долгожительство императорского Китая и Священной Римской империи, которые выходят за условленные рамки Средневековья, порождает воображение, однако Каролингская империя существовала лишь 88 лет. В то же время быстротечность не умаляет ее

славы: легенда о Карле Великом веками зачаровывала сознание европейцев.

Несмотря на то что не существует порога, переступив который государство могло бы называться империей, необъятность является самым распространенным критерием. Монгольское государство было крупнейшим из континентальных империй: оно простиралось от Китая до Черного моря, охватывая Россию и угрожая Центральной Европе. Но были и империи гораздо более скромных размеров: Хазарский каганат, Венеция и Генуя с их торговыми сетями. Государство ацтеков было меньше современной Мексики. Существовали также «придатки» великих империй. Мало что связывает государства Чингизидов и украденную империю, выстроенную латинянами после взятия Константинополя, о несостоятельности и иллюзорности которой пишет Флоранс Сансони.

Кроме того, протяженность владений остается недостаточным критерием для понимания территориального могущества. К этому стоит добавить сжатость и раздробленность подвластных территорий. Китайская, Японская, Монгольская и Каролингская империи были, подобно Риму, монолитными, в то время как власть других простиралась на рассеянные территории: нормандцы и Плантагенеты служат хорошим примером способности имперской власти находиться одновременно в разных местах. Венеция создала «империю анклавов», которая опиралась преимущественно на острова и не интересовалась расширением внутренних районов страны.

Особую важность при любом раскладе имеет контроль над путями сообщения и связями с другими державами. Монгольская империя господствовала над всеми артериями Великой степи, а морские силы Венеции и Шривиджайи обеспечивали необходимые для существования этих государств связи, хотя, как подчеркивает Пьер-Ив Манген, у нас есть

не так уж много оснований, чтобы провозгласить последнюю имперской талассократией. С другой стороны, Каролинги и германские императоры не слишком эффективно контролировали свои земли.

ВОЙНА И МИР

Имперская идея интуитивно ассоциируется с завоеваниями. Многие империи родились в ходе военных действий, среди них государства, созданные «воинами Аллаха» и степными номадами. Византия унаследовала территории, завоеванные римлянами, а платоани ацтеков был по определению тем, «кто внушает страх», как отмечает Кармен Бернан. Тем не менее прославленная Германская империя (Священная Римская империя) составляет исключение в этом ряду — ее можно считать недостроенной из-за недостатка войск и нехватки ресурсов. К силе нужно добавить благосостояние, которое способствовало росту военного могущества и в то же время являлось результатом военной экспансии. Империи существуют за счет продуманного перераспределения плодов войны и установления господства над населением.

Некоторые из империй представляли собой «экономические миры»: по словам Паолы Каланка, Китай был «движущей силой азиатской торговли и экономики», что, впрочем, верно и в отношении державы Аббасидов и Шривиджаи, правда в несколько ином масштабе. С другой стороны, не вызывает сомнений, что Каролинги и сербы не претендовали на подобный статус.

По образу *Pax Romana*, империи часто претендовали на создание собственного единого мира, будь то идеал согласия при Каролингах или «монгольская ойкумена». Киото первоначально назывался Хэйан-кё — «столица мира

и спокойствия». Иные империи пытались скрыться за надежно укрепленными рубежами. Островное расположение обеспечивало Японии безопасность наряду с «божественными ветрами» («камикадзе»), спасшими ее от монгольского флота. Империя Цинь построила Великую Китайскую стену, болгары возвели укрепления по периметру своего государства, а Венеция считала лагуну надежным убежищем, своей легендарной колыбелью. Но ни один из этих барьеров не был до конца непроницаемым и непреодолимым, а особенно уязвимыми были «расколотые» империи.

Они могли найти поддержку у иноземных племен, кочевавших по приграничным территориям. Здесь мы обращаемся к объяснительной модели, предложенной Ибн Халдуном¹. Народы, движимые «асабией» — чувством сплоченности и единства, служат эффективной военной силой, однако, привлеченные богатством и слабостью империй, они в конце концов захватывают в них власть. Затем спустя три-четыре поколения этот процесс повторяется заново. Китай полагался на «варваров» в защите своих границ: уйгуров и татар в поздней Тан, киданей и чжурчженей в эпоху Сун и т. д. Византия порой создавала буферные государства, подталкивая один враждебный народ защищать ее от другого противника². В Японии в то же время не было ни лимеса, ни варварской периферии, на что обращает внимание Лоик Казо.

Отношения между центром и периферией, роль посредников и способность управлять внутренним пространством были

---

¹ Gabriel Martinez-Gros, *Brève histoire des empires. Comment ils surgissent, comment ils s'effondrent*, Paris, Seuil, 2014. Привлекательная схема Ибн Халдуна, которой пользуется Маргинес-Гро, слишком бинарна. Она не применима к Европе, Византии, Японии и степным империям, что становится ясно из статьи С. Бержера о монгольской империи.

² Edward Luttwak, *La Grande Stratégie de l'Empire byzantin*, Paris, Odile Jacob, 2010.

не менее важными факторами. Германская империя сумела организовать защиту своих границ при помощи местных представителей знати, не прибегая к помощи внешних сил. Создание марок чем-то напоминает систему фем в Византии. В основе глубокой обороны от нашествий мадьяр стоит та же стратегия, что использовали византийцы в Тавре. Границы защищались местными жителями, что в итоге спасало ядро империи. Последним можно было предоставить определенную автономию или даже позволить выйти из состава империи, что не ставило под угрозу ее самобытность и целостность. Это часто приводило к иерархии внутренних пространств, к раздробленности (мир Каролингов) или даже к захвату власти теми, кто успешно охранял границы (Никифор Фока в Византии).

РАЗНООБРАЗИЕ

Европейские нации появились в Средние века, но средневековые империи не были государствами-нациями. Карл Великий управлял не только франками, греческая Византия включала в себя славян, грузин, армян, арабов. Последние, как и турки, также правили многими народами: берберами, персами, греками и др. Во время коронации в Скопье Стефан Душан провозгласил себя «царем сербов и греков», заявив тем самым о многоэтничности своего государства, однако на деле он служил интересам Сербии, поэтому Андрей Файгель задается резонным вопросом: а была ли Сербия на самом деле империей? Многообразие являлось неизбежной данностью, с которой должна была справляться авторитарная власть. В этом им действительно помогали монотеистические религии или буддизм: своей ориентацией на единство они укрепляли самодержавные тенденции (один бог — один император), в то время как политеизм способствовал раздроблению власти.

Дольше всех просуществовали те империи, что проводили «политику различения»¹, то есть управляли различными группами населения различным образом, позволяя им говорить на своем языке. Арабский язык, священный язык Корана, не исключал берберский, коптский и персидский. А турецкий не вытеснил арабский. Таким образом, империя формируется путем соединения разных историй между собой. Лояльность волновала империи гораздо больше, чем гомогенность. Верность подданных играла ключевую роль и наделяла империю необходимым единообразием: Карл Великий требовал от всех свободных мужчин приносить присягу верности; власть османских султанов опиралась на слуг рабского происхождения и региональных наместников, которых привлекала своей щедростью. Утверждение повсеместной власти требовало множества верных и деятельных посредников, а также доверительных отношений с местными властями.

МЕЧТАНИЯ

Николя Дрокур, говоря о Византии, подчеркивает, что «по сравнению с королевством в империи гораздо больше воображаемого», а разве Османская империя не явилась своему основателю во сне, о чем напоминает нам Жак Павио? Имперские амбиции и мечтания часто также безмерны, как их протяженность в пространстве. Некоторые империи

---

¹ J. Burbank et F. Cooper, *Empires*, op. cit. Политика различий не исключала иерархии: народы не были равны в рамках одной империи. Аббасидский мир навязал христианам и евреям статус зимми, который защищал их, но в то же время ущемлял в правах; в Каролингской империи франки находились на вершине общества; подобным же образом сицилийские нормандцы вытеснили итальянское, греческое и арабское население.

хотели поглотить весь мир, иные были настроены более прагматично (Венеция, Шривиджая) или стремились оградить себя от внешних влияний (Япония). Но те, кем двигало стремление к великим завоеваниям (монголы) или природа универсалистских монотеизмов (Византия, Аббасиды), мечтали о мировом господстве. Монгольский хан носил титул «императора мира», государя, олицетворяющего на земле единого бога Мункэ Тэнгри — «Вечное Небо» (Симон Бержер). Большинство империй с притязаниями на универсализм пытались создать «всеобщие истории», которые обобщили бы человеческий путь с момента Творения до логического завершения, которым и были эти государства (Каролингская, Аббасидская, Османская, Византийская империи и т. д.). Идея преемственности или связи с основополагающей и прославленной моделью возбуждала воображение. Многие империи принимали мессианский характер: они должны были сплотить под своей сенью все народы перед наступлением Страшного суда. Мы замечаем проявления подобных чаяний в Багдаде, Аахене и Константинополе, которые также стремились воссоздать золотой век. Аббасиды заявляли о том, что после периода упадка при правлении Омейядов они вернулись к чистоте общины Мухаммеда в Медине. Карл Великий в 800 г. и Оттон Великий в 962 г. говорили не о создании новой империи, но о воссоздании Римской, о которой также грезил Фридрих II. Независимо от того, насколько обоснованны были подобные притязания, такая преемственность поддерживала старую мечту, помогала ставить амбициозные цели и определяла направления действия. Обращаясь к принципу *translatio imperii*, монголы воспринимали практики степных империй древности (Симон Бержер). Болгары и сербы подражали могущественной Византии, а Китай создал миф о непрерывности своей государственности.

Многие противоборствующие империи были верны духу универсализма, однако он оставался несбыточной мечтой. Германские императоры не помышляли навязывать свои законы европейским государям: несмотря на все утопические чаяния, они хорошо осознавали реальное соотношение сил. Тем не менее большинство империй стремилось распространить свое влияние, свои идеи, свою систему и свои верования. Так, обратив в христианство славян, Византия экспортировала свою имперскую идеологию. «Неслышная сила»¹ позволяет преодолевать географические рамки и предотвращать вторжения, манипулируя потенциальным противником. Таким же образом работала «политика обольщения» Плантагенетов (Майте Биллоре).

СМЕРТЬ ИМПЕРИЙ

Несмотря на свои чаяния и могущество, империи умирают, часто становясь жертвами своей необъятности и порождаемых ею бедствий. Греки сказали бы, что все дело в «гюбрисе». Ослабленные своими масштабами, империи взрывались под напором центробежных сил и партикуляризма. Мари-Терез Урвуа говорит о том, что «центральное управление оказалось парализовано появлением новой военно-административной должности великого эмира», а Бернар Думерк утверждает, что «распад доверительных связей между периферией и правительственными органами ознаменовал поворотный момент в военной и политической истории Венецианской империи». Когда империя начинает ослабевать, она тут же притягивает падальщиков.

---

¹ Выражение «неслышная сила» (*pouvoir feutré*) было придумано геополитиком Жераром Шалияном; оно прекрасно заменяет американский термин *soft power* («мягкая сила») и имеет более широкие оттенки смысла.

У монголов были наследники, но они не претендовали на все прежние территории империи. У болгаров и сербов не было амбиций своих дальних предков. Но что-то кроме воспоминаний¹ и мифов (например, о Вселенском халифате) все же остается: в Японии до сих пор правит император, Китай под руководством Си Цзиньпина по-прежнему позиционирует себя как «Срединную империю», а Шривиджая упоминается в индонезийской конституции как одно из государств, стоящих у истоков современной республики, о чем пишет Пьер-Ив Манген.

Исходя из упомянутых критериев, в качестве рабочей гипотезы мы поделили империи, анализируемые в этом сборнике, на три группы: «империи-миры» и «империи-универсумы» (Каролингская, Византийская, Аббасидская, Монгольская, Османская империи); расколотые империи на рассеянных территориях (Священная Римская империя, Нормандская империя, империя Плантагенетов, Венецианская империя, индонезийская империя Шривиджая); закрытые империи или те, территории которых ограничены в силу каких либо факторов и которые не стремятся расширять свои четкие и устойчивые границы (империи ацтеков и инков, Болгарская, Сербская, Японская и Латинская империи) — последние можно рассматривать как «национальные» империи, когда в этих странах появляются нации.

Китай, в особенности в эпоху Сун, кажется нам особым случаем. Его можно определять скорее как целостность, нежели как всеобщность, потому что народы, которые не удавалось ассимилировать, оставались по ту сторону границ. Китай представлял собой цивилизацию, окруженную варварскими

---

¹ Alain Ducellier, «Les fantômes des empires. La longue durée politique dans les Balkans», *Le Débat*, no. 107, novembre-décembre 1999, pp. 69–96.

перифериями, которые со временем могли быть синизированы. Наконец, китайская история мыслилась как непрерывность императорских династий, что на самом деле не соответствует действительности. Имперская власть, пространство «срединного государства» и цивилизация были теснейшим образом переплетены.

В заключение скажем несколько слов о том, как родилась идея этого сборника: мы не навязывали авторам никаких ограничений, у нас не было никакой предварительной матрицы исследования, которая могла бы направлять мысль и приводить к натянутым аналогиям. Единственной задачей было показать, правомерно ли называть то или иное государственное образование империей и в чем состоит его политическое своеобразие. С учетом экзотичности некоторых обсуждаемых здесь государств авторы, в большей или меньшей степени, пожертвовали событийностью в пользу изложения осевых линий, глубинных тенденций, а также политических, экономических и идеологических структур. По сути, авторы пытались показать, что именно в каждом из случаев является индивидуальным, а не описывать отдельные элементы, которые проиллюстрировали бы заранее определенный «идеальный тип» империи. В общей сложности в настоящем сборнике известны учеными и молодыми исследователями представлены 16 империй. Давайте сердечно поблагодарим их всех за вложенный труд и любезно предоставленные материалы¹.

---

¹ Мы сожалеем, что не смогли заручиться помощью редких франкоязычных специалистов по ряду империй, плохо известных или даже вовсе не известных широкой общественности. В сборнике не представлена Африка к югу от Сахары, в то время как империи на этом континенте могли бы создать почву для множества сравнений (ср.: Michael Gomez, *African Dominion. A New History of Empire in Early and Medieval West Africa*, Princeton, Princeton University Press, 2018). Хазарская и Кхмерская империи также не упомянуты в настоящем издании.

«ИМПЕРИИ-МИРЫ»
И
«ИМПЕРИИ-УНИВЕРСУМЫ»

ИМПЕРИЯ КАРОЛИНГОВ: ВОЗРОЖДЕНИЕ РИМА?

МАРИ-СЕЛИН ИСАЙЯ

Каролингская империя появилась в 800 г., когда папа Лев III короновал Карла Великого в Риме. Ее возникновение стало логичным продолжением политики его деда Карла Мартелла и отца Пипина, пришедших к власти на закате меровингской эпохи. Пипин получал королевский венец дважды — в 751 и 754 гг.; в 768 г. ему наследовал Карл. Он укрепил власть, полученную в наследство от отца, и начал проводить активную захватническую политику, вскоре подчинив Баварию и Саксонию. На севере Италии он увенчал себя «железной короной» лангобардских королей, тем не менее не присоединяя их земли к территориям франков, захватил герцогство Сполето, а на юге полуострова обложил данью княжество Беневенто. По сути Карл управлял империей еще до того, как получил соответствующий титул. В 814 г. он скончался, а власть перешла к его сыну Людовику Благочестивому. Людовик столкнулся с враждебностью собственных сыновей: после череды восстаний и войн в 843 г. по Верденскому договору империя была поделена между ними на три части (Карл Лысый получил Западно-Франкское королевство, Людовик Немецкий — Восточно-Франкское, а Лотарь — Лотарингию). Раздел не означал распада империи: императорский

титул перешел к Лотарю, контролировавшему две столицы — Ахен и Рим. Однако новые кризисы и междоусобицы вскоре уничтожили империю. После смерти Карла Толстого в 888 г. каждое королевство пошло по своему собственному пути.

Существовала ли когда-нибудь Каролингская империя? «Да», — скажут школьники, знающие, что Карл Великий стал императором в 800 г. «Нет», — отвечают медиевисты со времен Генриха фон Фихтенау. Со свойственным для австрийских интеллектуалов послевоенной эпохи пессимизмом он рассказывал о том, что империя была мифом¹, идеологическим построением, направленным на то, чтобы соединить Церковь и каролингскую власть, подкрепить политическое господство второй универсализмом первой. Империя, писал Фихтенау, была выдумкой ученых на службе у власти, сделавших ее ключевым звеном пропагандистского дискурса. Под прикрытием слов о мире, справедливости и всеобщем спасении продвигалась идея необходимости автократического и империалистического правления. В этих словах немецкого историка чувствуется горькое разочарование человека, поверившего в идеи рейха, который в результате обернулся кошмаром. Сразу следует пояснить, что интеллектуалы эпохи Каролингов действительно верили в «империю» и старались ее упрочить. Они понимали под ней форму правления, при которой люди могли познать истинного Бога и войти в Его церковь. Конечно, империя всего лишь идея, но защищавшие ее не были убежденными пособниками деспотической власти. Они грезили об империи как о земном воплощении Божественного предназначения. Лучшее определение «Каролингской империи» в таком ключе дал диакон Флор Лионский,

---

¹ Fichtenau von H. Das karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zurich, 1949. 336 s.

Каролингская империя в середине IX в.

хотя неверное толкование его текста до сих пор весьма распространено. Его «Жалоба о разделении империи, последовавшем за смертью Людовика Благочестивого» (*Analecta vetera sous le titre Déploration sur la division de l'empire qui a suivi lamort de Louis le Pieux*), была опубликована в новом издании «*Vetera Analecta*» Жана Мабильона в 1723 г.¹ С тех пор считается, что Флор сетовал о распаде империи, произошедшем в 843 г. в Вердене. Однако стихи в Средние века не имели названий, и поэма Флора не была исключением. Поэт был бы очень удивлен, узнав, что империю можно разделить, потому что неустанно повторял обратное. Для начала нужно договориться о терминах: *imperium* — это неоспоримая власть правителя, позволяющая ему управлять королевством или королевствами. По мнению авторитетных латинистов, это слово используется не для обозначения империи или территории, большей чем королевство, и не для того, чтобы провести различия между императорской или королевской властью. Вспоминая о короле Нортумбрии Освиу (ум. 670), Алкуин пишет о том, что «он вершил власть (*imperium*) 28 лет... и передал корону своему сыну Эгфриту». Нет сомнения в том, что Освиу никогда не был императором! Внимательное прочтение поэмы Флора Лионского позволяет прояснить это понятие во всей его сложности. Речь идет не об одном человеке и не о династии, но о народе, возведенном Господом в достоинство империи:

Горы и холмы... плачьте о франкском народе, вознесенном Христовой милостью до имперских высот, а ныне падшем в прах... В одно время он потерял и титул

---

¹ Mabillon J. *Vetera analecta, nova editio cum itinere Germanico*. Paris, 1723, pp. 413-414.

императора, и его достоинство, а некогда единое королевство пошло тремя путями. Впредь уже нельзя говорить об императоре, королек сменил короля, частица заменила целое¹.

Картина оказывается неверной, если воспринимать этот текст буквально. Лотарь, сын Людовика Благочестивого, носил императорский титул до своей смерти в 855 г., затем титул перешел к его старшему сыну Людовику II Итальянскому (ум. 875) и т. д. Флор на самом деле клеймит разрыв между идеей об избранном народе, призванном ко всеобщему господству и ведущем мир к согласию с Господом, и властью людей, впавших в мелочные усобицы. После 843 г. существовали как империя, так и император, но настоящего *imperium* уже не было.

Развенчание идеи империи, предпринятое Фихтенау, не было единодушно воспринято во Франции, где иной имперский опыт — наполеоновский и колониальный — наряду с традиционной снисходительностью к великим личностям и дальновидным правителям не позволил запятнать репутацию Карла Великого. В то время когда Фихтенау разъяснял, почему имперская идея по сути своей была ошибочна, Альфан доказывал читателям Флора, что речь идет лишь об одной-единственной неудаче и наследников Карла Великого и Людовика Благочестивого можно обвинять только в том, что им не удалось достичь идеала христианского правления, а не в самом стремлении к нему². Преимущество версии Фихтенау состоит в том, что она позволяет прояснить ряд хронологических проблем:

---

¹ Florus Lugdunensis. Carmina // MGH. Poetae Aevi Carolini. Bd. 2, Hannover, 1884, pp. 560–561.

² Halphen L. Charlemagne et l'Empire carolingien, Paris, 1947. 532 p.

Каролингская империя появилась в церковном дискурсе задолго до коронации Карла Великого и продолжала существовать даже после смерти Карла III Толстого (888), потому как жизнь идей длиннее их преходящих воплощений. По версии же Альфана, империя Каролингов пришла в упадок уже в 828–835 гг. Кризис правления Людовика Благочестивого вышел за рамки сугубо политического и экономического противостояния отца со своими сыновьями — Лотарем, Пипином и Людовиком, но в 820-е гг. проявился также во все более частой критике со стороны епископов, не принимавших возможность соединения Церкви и светской власти. В частности, изобличение «секуляризаций» церковных земель, проводимых Карлом Мартеллом, строилось на стремлении к размежеванию, при котором правитель обеспечивал бы безопасность Земного Царства, а Церкви оставлял заботу о его спасении. По меньшей мере нужно признать провал *Respublica Christiana*, а может, даже подвергнуть сомнению само понятие «империи», как это делал Фихтенау. Таким образом, Майке де Йонг права, когда с юмором говорит о Каролингской империи, предстающей в описаниях медиевистов в вечном упадке, причем пришедшей в него задолго до своего появления¹. Эту историю неотвратимого заката рассказали уже тысячу раз. К власти приходило все больше и больше слабых, а порой даже больных правителей, пока, наконец, Карл Толстый, слабый и, возможно, склонный к припадкам, не умер в результате неудачной трепанации черепа².

---

¹ Jong de M. The Empire that was Always Decaying: The Carolingians (800–888) // *Empires. Elements of Cohesion and Signs of Decay*. Vienne, 2015, pp. 6–25.

² Саймон МакЛин проблематизировал историографию этого вопроса в работе: MacLean S. *Kingship and Politics in the Late Ninth Century. Charles the Fat and the End of the Carolingian Empire*. Cambridge, 2003, pp. 1–22. О болезни и одержимости Карла см. также: MacLean S. *Ritual, Misunderstanding and the Contest for Meaning. Representations of the Disrupted Royal Assembly*

Мы привыкли описывать империю Каролингов в философских, теологических, моральных и даже медицинских терминах, в результате чего создается картина неизбежного упадка. Для того чтобы сменить ракурс, попробуем обратиться к интереснейшей модели Ибн Халдуна. В 2014 г. Габриель Мартинес-Гро показал, что этот историк и философ XIV–XV вв. предложил метод исторического анализа империй, который целесообразно использовать не только в отношении исламского мира. Как утверждает автор, применяя объяснительную модель Ибн Халдуна к государству Каролингов, мы можем лучше понять не только реальное устройство империи, но и ее своеобразие, потому что «история Европы по сути своей не укладывается в его теорию»¹, утверждает автор. Остается понять, в чем состоят эти различия! Теория Ибн Халдуна в своей основной логике не так уж плохо описывает Каролингскую империю. Предполагается, что империю создают военные элиты захватчиков. Таковыми и были франки, отправившиеся с Карлом Мартеллом завоевывать Фризию, что ярко описано в «Книге истории франков» (*Liber historiae Francorum*) начала VIII в. Опираясь на военную мощь, они обложили налогом подчиненные народы, но если Меровинги предпочитали дань, получая коров из Саксонии, свиней из Тюрингии и золото от лангобардов², то империя Каролингов пошла путем налогового планирования, учета земель и переписи людей на службе у графов³. Несмо-

---

at Frankfurt (873) // *Representations of Power in Medieval Germany, 800–1500*. Turnhout, 2006, pp. 97–118.

¹ Martinez-Gros G. *Brève histoire des empires. Comment ils surgissent, comment ils s'effondrent*. Paris, 2014, p. 23.

² Reuter T. *Plunder and tribute in the Carolingian Empire* // *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 35. 1985, pp. 75–94.

³ Élisabeth Magnou-Nortier, *Aux origines de la scalité moderne. Le système scal et sa gestion dans le royaume des Francs à l'épreuve des sources, V^e–XIe s.*, Genève, Droz, 2012. Некоторые переводы в этой публикации вызывают вопросы.

тря на то что большинство фискальных документов Каролингской империи было утеряно, не следует считать, что система налогообложения была произвольной. Надо всего лишь поискать в других источниках, например в протоколах конфликтов, чтобы понять, что за завоеванием земель сразу следовало строгое распределение налоговых поступлений¹.

После завоеваний наступает фаза восстановления порядка, ее характеризует появление единой судебной системы вместо местных судов, гарантом которой выступает государство. Оно воплощает идею абсолютной справедливости и обладает монополией на законное насилие. Именно это и происходило при Карле Великом между всеобщим собранием 802 г. и созванными для реформ соборами 813 г. В каждом новом капитулярии император говорил о правосудии для всех, гарантированном, с одной стороны, всеведущим государем, а с другой — письменными нормами.

С меровингских времен епископы и графы во франкских королевствах были проводниками общественного правосудия. Вместе с посланниками императора (*missi*), его представителями в конкретных судебных округах, они ведали судом совершенно иной природы. Имперское правосудие позаимствовало у Церкви территориально-административное деление, исполнителей и легитимность для того, чтобы противопоставить себя судам местных властей и приравнять к суду Божьему, доступному каждому и по определению справедливому (ведь Бог ни для кого не делает исключений!). Именно в это время в Каролингской империи исчезает воинская повинность для всякого свободного человека, что Ибн Халдун назвал бы демилитаризацией. В германских обществах личная свобода

---

¹ Francesco Borri, «“Neighbors and Relatives.” The Plea of Rižana as a Source for

выражалась в праве на участие в политических собраниях, где на основе обычаев выносились приговоры и принимались общественно полезные решения. Кроме того, свободный человек участвовал в военных походах данного сообщества и получал прибыль от трофеев и пленников, за которых он мог потребовать выкуп или перепродать их в качестве рабов. К 808 г. эта система была отменена: закон отныне выделял среди франков земледельческое большинство, которое могло не воевать, но обязано было вносить свой вклад в вооружение и снабжение сражающегося меньшинства, предопределенного к этой роли владением богатыми наделами¹. То есть, согласно Ибн Халдуну, мы имеем основание говорить о разоружении населения. Основное различие с исламским подходом было в том, что защита империи не препоручалась наемникам, обособленным от основного политического сообщества. Профессиональные воины, награждаемые земельными наделами с налоговыми льготами или церковными бенефициями, являлись в то же время социальными и политическими элитами империи Каролингов, а не маргиналами. Передача военных функций сторонним лицам началась в 850-е гг., когда Каролинги обратились за помощью к скандинавским воинам. Но если в исламском мире подобная практика была повсеместной, то франки, смотрившие с подозрением на наемников, обращались к ним лишь в редких случаях.

---

¹ Marie-Céline Isaia, *Histoire des Carolingiens (VIIIe–Xe siècle)*, Paris, Seuil, coll. «Points Histoire», 2014, pp. 194–196. Иную интерпретацию см. в: Jean Durlat, *Les Finances publiques de Dioclétien aux Carolingiens, 284–889*, Sigmaringen, Thorbecke, 1990 (*Beihefte der Francia*, 21), p. 327. Для Дюрлиа «мужчина» (“homme”) обозначает «императорского вассала» и «свободного человека», не занятого иными делами по поручению своего сеньора, так как манс был базовой фискальной единицей, а не наделом, который мог полностью удовлетворить потребности той или иной семьи.

Третья и последняя фаза истории империй, согласно Ибн Халдуну, наступает, когда население настолько разоружается, что отдаленные регионы остаются беззащитными перед лицом военной угрозы, исходящей, прежде всего, от самих наемников, а потом уже от внешних захватчиков. Не нужно далеко ходить за примером: вспомним историю нормандских вторжений, ослабивших Карла Лысого и подорвавших доверие к Карлу III Толстому. Тем не менее, в отличие от исламских империй, государство Каролингов не пало под военным натиском вследствие жесткого кризиса или узурпации власти: скандинавы интегрировались в имперскую, а затем в королевскую систему, приняв их социальные нормы и политические практики. Нормандия, появившаяся при Карле Простоватом, не претендовала на то, чтобы быть независимым королевством, и не оспаривала каролингскую власть¹. Императорский титул перестал использоваться после 888 г., однако управление по имперскому образцу сохранялось в землях Западно-Франкского королевства.

Таким образом, модель Ибн Халдуна вполне убедительна для того, чтобы проследить основные ритмы империи: завоевание элитами и обложение налогом; разоружение, проведенное за счет передачи государству монополии на отправление правосудия и применение силы; новая волна насилия и появление центробежных сил. В то же время эта модель заставляет нас обратить внимание на то, что в корне отличало империю Каролингов от исламского мира. Недостаточная урбанизация

---

¹ Пересмотр историографии нормандского завоевания см.: Pierre Bauduin, *Le Monde franc et les Vikings, VIIIe–Xe siècle*, Paris, Albin Michel, 2009. А также работу того же автора: «Chefs normands et élites franques, fin IXe — début Xe siècle», dans Pierre Bauduin (dir.), *Les Fondations scandinaves en Occident et les débuts du duché de Normandie*, Caen, Publications du CRAHM, 2005, pp. 181–194.